

Чарльзу никогда не доводилось управлять космическим флотом, но всё происходит в первый раз. Сказать, что мужчина удивился неожиданно изменившимся планам тварей, значило ничего не сказать: специальный инспектор пришёл в ужас.

— Вы правда думаете, что я смогу пойти тараном на эту хреновину?

Троица переглянулась. Мужчина видел в глазах ублюдков небывалую уверенность. Казалось, они действовали, словно единый механизм.

— Твой комикс, — улыбнулся нехорошо Фишер, выглянув в иллюминатор. — Используй свою концепцию «тёмных снов» на полную, мои подчинённые тебе помогут.

«Мне не нравится тон босса», — признался Ред.

Мужчина удивлённо приподнял бровь.

И всё же, он предпочитал, чтобы этот проклятый комикс называли книгой. Даже специальный инспектор имел личные вкусы, в конце концов.

— Демон, ты же понимаешь, что...

У Чарльза не было времени договорить: демон неожиданно присел, задумчиво уставившись на свою тень.

— В каком-то смысле, тебе безумно повезло, приятель...

Парень положил руку на тень, после чего, не вызывая и капли удивления на лицах себе подобных демонов, схватил сгустившуюся в трёхмерном пространстве тень.

По пространству распространились помехи, наполненные самым настоящим ужасом. Шеди не понимал, что пришло в голову безумному начальнику, но ему не давали слова.

— Тс-с-с, я приму твою боль, маленькая тварь, потерпи немного...

Мягкий голос Эммы, наклонившейся к тени, добавлял странности ситуации. Не сговариваясь (не сговариваясь же?..), Фишер, покрыв свою руку чистой энергией Бездны, вцепился в собственную тень.

Застывшей Чарльз удивлённо наблюдал, как Фишер, проявляя небывалую нежность и вместе с тем жестокость, вырывает из пола собственную тень, всеми силами старающуюся сопротивляться неожиданно обезумевшему демону.

Женская версия Фишера держалась за тень, белея прямо на глазах. Её собственная тень странно сморщилась, скомкалась, но она не проявляла очевидных признаков того, что ей было больно.

Тень же, что должна была от столь грубого вырывания из основы умереть, вопреки всему не прекратила своё существование.

Это была самая жестокая и неожиданная полевая трансплантация, которую мужчина видел в своей жизни.

С другой стороны, не то чтобы он до этого их видел.

— Потом тебе обязательно нужно будет сделать ещё одну куколку... — задумчиво констатировал Ленз.

— Скажи что-то менее очевидное, головастик, — оскалилась Эмма.

Когда процедура завершилась и живая трёхмерная тень оказалась отделена от... тела демона, Фишер неожиданно перевёл на него взгляд.

Чарльз быстро понял, что хочет сделать ублюдок.

— Даже не думай, дружище, — беззлобно хохотнул Ленз. — Без лишних движений, эту птичку твоё сознание не переживёт.

Специальный инспектор почувствовал холод: к его виску грубо прислонили футуристический пистолет, в любой момент обещая прострелить голову. И, чёрт возьми, мужчина знал, что эти психопаты осмелятся выстрелить.

Он не знал, какого хрена происходило. Не знал, почему психи так резко переменились. Лишь мог догадываться: эти ублюдки вновь то ли заглянули, то ли побывали в будущем, и оно явно им не понравилось.

Самое паскудное, что делиться планами с ним они, очевидно, не собирались, уже друг с другом своими сверхъестественными способами договорившись обо всём.

Чего Чарльз не знал, так это того, что то, что эти психопаты смогли договориться друг с другом, уже было фактически невозможным чудом, от которого бесчисленные твари прямиком из Бездны, следовавшие за осколками, безмерно радовались.

Надежда зародилась ещё до того, как Феликс осознал свою миссию.

— Не волнуйся, — улыбнулся Фишер. — Для тебя это пройдёт безболезненно и с одной лишь пользой. Мы тебе не желаем зла, приятель.

Демоны одновременно оскалились.

Чарльз до боли сжал кулаки.

Грёбанные ублюдки.

Феликс подошёл и буквально засунул тварь в его тень, из-за чего та начала дрожать. Чарльз вздрогнул, почувствовав на спине холод. И не только на спине, но и под ногами, как бы это странно ни звучало.

«Не делайте резких движений, Мистер Харрисон», — мягко прошептал ему голос кошмара.

И мужчина сразу же понял, о чём говорил Пит.

«...!!!»

От неожиданно появившихся помех в голове специальный инспектор сморщился, схватившись за голову.

Он почувствовал силу. Силу странную, чуждую. Возникло такое чувство, будто у него то ли появилась новая рука, то ли разработались старая, про которую он и знать не знал.

Мужчина вытянул руку, потянувшись к чему-то незримому. Тень под ним, точно следуя его командам, подчинилась, выскочив в трёхмерное пространство.

«У вас настоящий талант! — воскликнул в голове Пит. — Отличная совместимость, Мистер Харрисон!»

Фишер странным взглядом смотрел на то, как легко подчинил тень его самый лучший друг. По крайней мере, в этой вариации.

— Тёмные сны... — пробормотал Феликс. — Да, это лежало на поверхности. Со мной Шеди был бы обречён, но с тобой у него будет шанс. Так будет лучше.

Эмма, восстановившись после трансплантации, безумно захихикала.

— Это лишь незначительно отдалит поглощение, красавчик, но и только. Кто знает, возможно, ваш друг умрёт даже раньше тебя?..

— Это всё равно лучше, чем та судьба, что его ждёт рядом с нами.

Замечание Ленза стёрло улыбки с лиц Феликса и Эммы.

Тень Чарльза задрожала от непонятного пока ему страха и скрытой радости: кажется, осознав, что не только остался жив, но и смог спастись от участия в «путешествии» с Феликсом, Шеди необычно обрадовался.

Мужчина не знал, над чем задумались демоны, но уже совсем скоро он понял, для чего ублюдок решил запихать ему в тень эту странную... тeneвую сущность.

Если генеральный директор или кто-либо ещё однажды потребует у него отчёт о произошедшем, то мужчина будет уверен, что сможет как-то, через зубную боль и ругательства, описать всё, кроме того безумия, что произошло дальше.

Разве что, в его голове отпечатались последние слова тварей, когда началось «Это».

— Кстати говоря, — как бы между делом заговорил Феликс. — Тебе стоит поторопиться, дружище. Из-за некоторых наших действий, которые были, но которых не было... скажем так, нас уже давным-давно вычислили и тебе следует как можно скорее покрыть своей силой весь флот. Мир. Доставай весь мир из комикса, приятель.

«Мы поможем вам, Мистер Харрисон», — не слишком уверенно поддержал его Пит.

«--!-...!!!-...!!!-...!!!-!-...!!!-!-...»

По какой-то причине Чарльзу показалось, что он понял странный шум в голове.

Уже меньше, чем через минуту Чарльз, громко матерясь, отдав команду искусственному интеллекту, на космической скорости летел сквозь бесчисленные нити, окружённый гигантским барьером из собственной силы, пока твари отправились заниматься чем-то ещё, исчезнув с корабля. Барьером целой прослойки нуарного мира. Мира под луной, что собирался превзойти Вторую Луну.

Это был его худший рабочий день за всё то время, что он работает на Совет.

Я вновь открыл глаза, осознав себя в застывшем кадре. Звучит, конечно, странно, но это действительно лучше всего передавало ситуацию, в которой мы оказались: всё застыло. Мировые краски прекратили движение, время остановилось.

Сознание окончательно устаканилось, вернувшись в привычную ненормальную норму. Мозг вновь заработал так, как не работал ни один человеческий мозг, заставляя меня прислушиваться и анализировать каждую мельчайшую деталь, которая поступала в моё сознание.

Я хорошо запомнил, на каком моменте Гаррик решил позвать меня на прощальный разговор.

— Неплохое фото, приятель, — вполне себе искренне похвалил головастика я, уже зная, что он ответит.

— Дерьмо, а не фотография, — скривился мужчина, сжав в руках камеру. — Одни сплошные разводы, никакого баланса, нарушенные линии и формы, хреновый контраст...

Слушая абсолютно абсурдные жалобы Ленза, я почему-то беззлобно хмыкнул.

Я не был фотографом и не замечал того, что ему не понравилось. Как хреновому, но художнику мне понравилась композиция: открывшаяся картина вдохновляла и вместе с тем ужасала.

На нас смотрело Нечто. Нечто, существующее одновременно в бесчисленных мирах. Застывшее пространство вокруг окончательно дестабилизировалось, планы бытия смешались между собой, превращая окружающий пейзаж в кашу из энергий и концепций, подменённых прекрасными, фальшивыми нитями сущности Второй Луны.

Мы, твари океана, действительно были самыми опасными существами в проклятом нами же мироздании: энергия океана. Я чувствовал её. Пытаясь пробиться, мы, как и всегда, принесли её в дом сущности, которая слишком поздно осознала, что решила подменить существ, чья история души настолько древняя, что могла зародиться ещё задолго до появления бесчисленных вселенных древа реальности.

Даже застыв, Вторая Луна, неописуемо огромная и прекрасная, продолжала пытаться скрыться, спрятаться, перетянуть свою сущность хоть куда-то и, наверное, даже успешно, но её сущность...

Её сущность уже нельзя было спасти от всепроникающего океана, добравшегося до новой жертвы.

Лишь вопрос времени. Сколько бы копий не было у Второй Луны, сколько бы её частиц не дрейфовало в бесконечном древе реальности, подменяя собой целые миры, заражение уже, скорее всего, нельзя было остановить.

Уж мы-то знаем.

Я повернул голову, если в этой прослойке реальности это вообще было возможно, на Эмму. Её тело превратилось в одну сплошную кашу, собирающуюся из чистой энергии океана. Застывшая подменённая материя-энергия, состоявшая из бесчисленных нитей, всеми силами противилась этому, но совершенно не могла пошевелиться.

— Спасибо.

К несчастью, у малышки Эммы пока не было возможности ответить, но застывший среди буйства замороженных во времени красок силуэт сделал нечто похожее на кивок, дополнив его пакетом информации.

Я поморщился.

Да, она сделала больше, чем должна была. Теперь я ей должен буду. И не нужно уточнять, чего она хочет. Мне бы это пришлось делать в любом случае, однако теперь это был едва ли не первостепенный вопрос.

Ползучий человек. Я чувствовал, что он был где-то поблизости. Он не покидал нас, следуя за нами от начала и до конца. словно сторонний наблюдатель, который, впрочем, в любой момент мог прийти за своим.

И что-то мне шептало, что против такой сущности лучше было лишний раз не идти. Оно явно было к нам довольно благосклонно, и портить это как-либо не хотелось.

У нас и так слишком много врагов в проклятом древе реальности.

В любом случае, я уже не чувствовал себя совсем беззащитным. Цель. Она могла появиться у меня давно, но лишь сейчас она сформировалась окончательно.

Я знал своё предназначение, как осколка. Предназначение, которое может дать шанс нашим пропадающим душам. Предназначение, которое подарит затонувшему дереву реальности шанс.

— Поглотила ли Бездна тьмы холодный лик испорченной Луны?

Чарльз, покрытый нуарным плащом, появился недалеко от нас, взглядом того самого нуарного детектива с суперсилами уставившись на застывший бесконечно близкий и вместе с тем — бесконечно далёкий от нас «объект».

Не уверен, что в нынешнем перекрученном пространстве существовало понятие «близко» и «далеко». Удивительно, что стилиста настолько хорошо здесь ориентировался.

Определённо, мои добровольно-принудительные подчинённые ему подходят больше, чем мне.

Как неожиданно.

— Вот это тебя вставило, — вскинул брови я, похлопав своего дружбана по плечу.

Приходилось прикрываться зонтиком даже здесь.

Нуарный Чарльз, услышав постановку собственного вопроса... скажем так, страдальчески-нуарно вздохнул, закулив бесцветную сигару.

Я просто напомним, что мы находились в бывшем космическом пространстве, смешавшем в себе хрен знает сколько энергетических планов прямо напротив пытавшейся вырваться многомерной твари.

Место, в котором не существовало привычных законов и правил, но в котором нуарный стилиста просто обязан был закурить после тяжелого рабочего дня нуарную сигару.

Ждать главных виновников нашего путешествия не пришлось. Не прошло и минуты, как застывший во вспышке камеры мир стал тонуть. Энергия океана, словно проникая отовсюду и из нас самих, начала затапливать всё окружающее пространство.

Затапливать так быстро, что мы и сделать ничего не успели.

Мир на миг разорвался, после чего...

Окружение изменилось. Мы оказались в уже привычной телевизионной студии, в которой нас уже ждали две застывшие улыбающиеся фигуры, на которых уже услужливо была направлена камера.

Самым мозголомающим здесь было нахождение Второй Луны. Я чувствовал, как у меня скручивались мозги в трубочку от осознания того, что я видел.

Фальшивая Луна была огромной. Настолько огромной, что продавливала своей массой пространство-время, пробираясь в бесчисленные миры. В каком-то смысле, она была огромной чёрной дырой, которая, впрочем, не поглощала всё на своём пути, но подменяла собой же.

И теперь этот массивный объект, который даже в самом безумном сне никогда бы не смог чисто физически поместиться в маленькой студии...

Сидел в кресле напротив двух ведущих.

Луна не утратила своих размеров, но при этом само пространство, область реальности вокруг неё, уменьшилась, вместе с этим уменьшая и саму космическую сущность, буквально вынуждая её поместиться вместе с огромным куском космического пространства внутрь кресла.

Комично. Абсурдно. Мозгодробительно.

Я сам не заметил, как безумно засмеялся, прикрываясь чёрным зонтиком от проливного дождя. За мной же, оценив ситуацию, засмеялись и Ленз с Эммой, и лишь Чарльз оставался молчаливым, докуривая нуарную сигару.

У этих безжизненных кукол был свой грёбанный стиль.

— В эфире Бритни и Джон! — хохотнул Джон.

— Бритни и Джон! — похлопала в ладоши Бритни. — Джон, я так волнуюсь! Мы так долго ждали этой возможности, не так ли?

— Конечно, Бритни! — задорно махнул рукой ведущий.

Я скосил взгляд на Вторую Луну. Её трясло, и это было мягко сказано. В окружающем пространстве витала столь концентрированная информация неописуемого ужаса древнего бога, что мне даже неудобно стало.

Или мне неудобно не поэтому?

Я нахмурился, оглянувшись, придерживая зонтик в руке.

Что-то было не так.

— Джон, — неожиданно вздохнула Бритни. — Я чувствую печаль.

Чушь.

— Но почему, Бритни? — во всех смыслах притворно воскликнул Джон.

— К сожалению, Джон, — вытерла проступившую на каменном лице слезу ведущая, — сегодня наше последнее интервью. Это совсем не романтично...

— Ты зря грустишь, Брит, — покачал головой Джон. — Ведь конец чего-то одного — это начало чего-то другого, ха-ха-ха!

— Это так романтично, Джон, ха-ха-ха!

— Ха-ха!..

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха...

— Ха-ха-ха-ха...

Не передать словами, насколько пугающим и зловещим в этот момент для меня стал смех ведущих. Последний намёк на улыбку пропал с моего лица.

Я понял, что меня смущало. Образ кита. Он исчез. Давление, незримое внимание развеялось, оставив лишь чувство проливного дождя, преследующего меня сквозь пространство и время.

Ничего не объясняя, я взмахнул кистью, разрывая пространство.

— Фишер?

Все тут же обратили на моё нервное поведение внимание. Не став долго смотреть за ведущими, остальные отправились за мной.

Моё сознание разделилось. Первый поток отправился в Совет. Стоило мне зайти в него, как стены задрожали, перестраиваясь прямо на глазах.

Генеральный директор куда-то вёл меня.

Крутанул чёрный зонтик в руке.

Я не стал противиться, направившись по изменявшимся коридорами. На пути мне никто не встречался: ни охрана, ни персонал. Никого и ничего.

Пройдя буквально парочку коридоров, оказался перед белой дверью. Дверью, за которой доносились знакомые крики: я узнал голос кричавшей.

Сука.

С непроницаемым лицом открыл дверь, зайдя в палату. Палату, в которой несколько врачей бессильно пытались сдержать кричавшую от ужаса чёрно-белую женщину.

Я не знал, сколько меня не было. Сомневаюсь, что слишком долго. Но при этом у меня создавалось впечатление, будто нас не было несколько лет: нуарная женщина постарела. Её волосы поседели, став напоминать высохшую солому, под глазами образовались мешки, глаза остекленели, бледное как смерть лицо перекосило в непередаваемой гримасе.

Это было жалкое подобие той женщины, которая вызывала у меня определённую симпатию.

Да, наверное, я мог просчитать это. Ещё бы осколок безумного нарцисса позволил самому себе смотреть на кого-то ещё, кроме себя.

Крутанул зонтик в руке.

Мерзкая, жалкая судьба.

Я не стал говорить с белохалатниками. Лишь отмахнулся от них, словно от надоедливых мух, из-за чего они тут же отлетели в соседние стены. Приятного мало, но без какого-либо вреда.

Всё же, я хорошо научился контролировать свою силу. Или, как минимум, неплохо.

Я подошёл к женщине, уставившись на неё сверху-вниз. Устало вздохнул, вновь крутанув зонтик в руке.

— Видимо, изучать меня было плохой идеей, не так ли? — потрепал свободной рукой женщину по голове я.

Она кричала и пыталась вырваться. Её голос давно сорвался, оставив один сплошной хрип, наполненный безумным отчаянием и ужасом. Ужасом человека, который увидел и осознал необъятное величие гигантского, монументального океана.

Хотя, нет. Всё же, стоит признать, что это я-мы видели «океан». Океан останется океаном, но всё ведь зависит от точки зрения, не так ли?..

На женщину взглянул не океан, а само воплощение Бездны.

Нас ждала долгая работа, чтобы это изменить.

Я проник в сознание женщины, увидев бесчисленные образы. Они не вызвали во мне того ужаса и отчаяния, будучи абсолютно привычными и даже по-своему невинными.

Малышка Сэнди, всё же, оказалось довольно ревливой. Это уже не соответствовало моему образу идеальной женщины, но, к сожалению, я никогда не был идеальным, как бы нарциссу

не хотелось обратного, и...

В этом тоже могла быть своя красота и очарование. Нужно было работать с тем, что есть, и перестать мечтать о фальшивом идеале.

Я стёр все образы, до которых смог дотянуться. Простой человек ни за что бы не смог прикоснуться к тому, что я увидел, но, к счастью, для меня это не вызвало никакой проблемы.

Чёрно-белая женщина на глазах успокоилась и даже как-то расслабилась, перестав безудержно кричать. В пустом взгляде бывшей нуарной красотки я увидел след пробуждения. Пробуждения после долгого кошмара.

Она медленно опустила на меня взгляд. Из глаз женщины пошли слёзы.

Я не стал ничего говорить. Мне и не нужно было. Сколько бы я не стирал из её памяти образов, её сущность уже соприкоснулась с чем-то огромным, всезнающим и всепроникающим. След прямого внимания Бога. Это не тот опыт, который можно вот так забыть.

И, хотела того или нет, Мисс Андерсон проецировала этот образ на меня самого.

Она боялась меня. Боялась самого моего существования. Моей тени тени от тени. Мысли о том, что я нахожусь рядом. Не вмешиваясь в её душу, чем могу только усугубить ситуацию и окончательно поразить саму глубинную сущность женщины силой океана, я не смогу это исправить.

Я крутанул чёрный зонтик в руке, понимая, что так было, есть и будет. Куда бы не ступала наша нога — мы, словно стихия, сносили всё на своём пути, не оставляя шансов ни себе, ни другим. Мы отрицаем это, не думаем об этом, забываем про это, заикливаясь на чём угодно, кроме этой такой простой и понятной истины.

Судьба есть плод влияния океана. Океан, прорвавшийся на сушу, есть плод влияния Художника. Художник, воплощавший океан, есть главный плод влияния Судьбы. Цунами.

Думаю, изначально эта «Картина» так и называлась. Никакая не «гибель» или «смерть» человечества.

Просто «Цунами». Выход воды за пределы берега.

Как жаль.

Я медленно развернулся, уставившись на камеру. Помахал на прощание свободной рукой Мистеру Стрэнджеру.

Это, к несчастью, был последний раз, когда мы виделись. Всё для того, чтобы эта ветвь прожила хотя бы ещё лет двадцать-тридцать. Думаю, если всё сделать правильно, это было возможно.

А там, чем Мистер Стивенсон не шутит...

Ладно.

Обычно мне нужно было отменять одну веточку, чтобы сосредоточиться на другой, и играть от неё. Я не мог в буквальном смысле единолично вот так находиться без обходных трюков в двух местах одновременно. Но, осознав мировые краски, понимая суть иллюзорности и непостоянства окружающего бытия, увидев слишком много и слишком много раз сдохнув, пробиваясь в сотнях и тысячах веточках к истинному облику Второй Луны...

Я навёл пистолет на голову.

Выстрел.

Моё застывшее среди ветвей метафизическое сознание подхватило информацию, после чего направило её в иную вариацию, где я отправился в Реинвелл.

Эта информация, принимая мой же облик, встроилась в другую вариацию. Нет, не так. Не встроилась. Изначально в ней же и была.

Кажется, развившись достаточно, я действительно могу считаться, в определённом смысле, богоподобным созданием. Жаль, что богоподобными в том числе могут быть и самые настоящие «демоны».

«Я» разделился. В одной и той же итерации один мой облик отправился в Совет, завершив все свои дела, после чего благополучно застрелился, развеявшись на мелкие песочные золотистые частицы, когда «основной» я...

Оказался на трассе перед самым «входом» в город. Перед глазами красовалась вывеска: «Добро пожаловать в Реинвелл».

Город, в котором в последнее время всё чаще идёт дождь.

Я поднял взгляд на чёрное небо.

Буря была столь сильна, что вырывала с корнями деревья, чуть поодаль поднимались настоящие смерчи. Видимость практически отсутствовала, казалось, что из-за ветра я не слышал собственных мыслей.

За мной из разрыва вышли Чарльз, Редди, не спешащий с него слезать, Пит, Шеди и другие осколки. Можно сказать, полная компания. Только профессора не хватает, но он, скорее всего, с того света наблюдает за нами.

Я подошёл к самому краю вывески, не спеша переходить невидимую черту.

Там, за вывеской, меня уже услужливо ждал провал в океан. Провал размером с город, прямиком на нулевую глубину.

Чувствую, если протяну руку, могу тут же быть поглощён в самые глубины океана без каких-либо гарантий, что потом смогу выбраться. Меня эта мысль и так пугала до безумия, но теперь, когда появилась хотя бы призрачная надежда, полное осознание цели и, более того, знание того, что этой цели теоретически возможно достичь...

Я не чувствовал ничего.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/4582820>